

**Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет социологии
Социологический институт Российской академии наук**

**ЖУРНАЛ
СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ
АНТРОПОЛОГИИ**

**2016. Том XIX
№ 3 (86)**

**THE JOURNAL
OF SOCIOLOGY
AND SOCIAL
ANTHROPOLOGY**

**2016. Volume XIX
No 3 (86)**

Журнал основан в 1998 году

**Санкт-Петербург
2016**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.В. Козловский, д.филол.н., профессор, главный соредактор, СПбГУ

Х.-П. Блоссфельд, доктор социологии, профессор, главный соредактор (Бамберг, Германия)

А.В. Дука, к.пол.н., с.н.с., зам. главного редактора, СИРАН

А.О. Бороноев, д.филол.н., профессор, СПбГУ

Р.Г. Браславский, к.соц.н., с.н.с., СИРАН

И.И. Елисеева, д.э.н., проф., чл.-корр. РАН, СИРАН

Н.Г. Скворцов, д.соц.н., профессор, СПбГУ

А.В. Тавровский, асс., ответственный секретарь, СПбГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)

М. Буравой (Беркли, США)

П. Вагнер (Барселона, Испания)

Ю.В. Веселов (С.-Петербург, Россия)

В.В. Волков (С.-Петербург, Россия)

Д.П. Гавра (С.-Петербург, Россия)

И.А. Григорьева (С.-Петербург, Россия)

И.Ф. Девятко (Москва, Россия)

Д.В. Иванов (С.-Петербург, Россия)

В.И. Ильин (С.-Петербург, Россия)

М. Кивинен (Хельсинки, Финляндия)

С. Кларк (Уорвик, Великобритания)

Н.Н. Крадин (Владивосток, Россия)

В.Ф. Левичева (Москва, Россия)

Н.Е. Покровский (Москва, Россия)

Л.Г. Титаренко (Минск, Белоруссия)

В.Г. Федотова (Москва, Россия)

Ю. Фельдхофф (Билефельд, Германия)

Т.Б. Щепанская (С.-Петербург, Россия)

М.Б. Хомяков (Екатеринбург, Россия)

Е.Р. Ярская-Смирнова (Москва, Россия)

EDITOR

V. Kozlovskiy, Dr. Prof., St. Petersburg

H.-P. Blossfeld, Dr. Prof. (Bamberg, Germany)

EXECUTIVE BOARD

A. Duka, Dr., St. Petersburg

A. Boronoev, Dr., Prof., St. Petersburg

R. Braslavskiy, Dr., St. Petersburg

I. Eliseeva, Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, St. Petersburg

N. Skvortsov, Dr., Prof., St. Petersburg

ASSISTANT EDITOR

A. Tavrovskiy, St. Petersburg

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg)

M. Burawoy (Berkeley, USA)

P. Wagner (Barcelona, Spain)

Y. Veselov (St. Petersburg)

V. Volkov (St. Petersburg)

D. Gavra (St. Petersburg)

I. Grigoryeva (St. Petersburg)

I. Deviatko (Moscow)

D.V. Ivanov (St. Petersburg)

V. Ilyin (St. Petersburg)

M. Kivinen (Helsinki, Finland)

S. Clarke (Warwick, Great Britain)

N.N. Kradin (Vladivostok, Russia)

V. Levicheva (Moscow)

N. Pokrovsky (Moscow)

L. Titarenko (Minsk, Belarus)

V. Fedotova (Moscow)

J. Feldhoff (Bielefeld, Germany)

T. Schepanskaja (St. Petersburg)

M. Khomyakov (Ekaterinburg, Russia)

E. Jarskaja-Smirnova (Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

Социологическое общество им. М.М. Ковалевского:

К 100-летию со дня основания

- Бороноев А.О., Ломоносова М.В., Миронов Д.В., Скворцов Н.Г.* Социологическое общество им. М.М. Ковалевского: история и современность.
К 100-летию со дня основания 5
- Малинов А.В.* Русская социологическая школа в оценке А.С. Лаппо-Данилевского . . . 16
- Долгова Е.А.* Изучение социальной проблематики в Лаборатории коллективной рефлексологии Института мозга и психической деятельности В.М. Бехтерева . . . 25
- Синютин М.В.* Социолог номер один: К 140-летию Н.Н. Андреева 32

Социология политики

- Давыдов С.Г., Логунова О.С., Лыткина Е.И.* Мотивация и медиапредпочтения наблюдателей на выборах мэра Москвы 2013 г. 50
- Скокова Ю.А.* Динамика развития общественного движения наблюдателей на выборах: Результаты исследования 2011-2016 гг. 65

Исследования ценностей

- Головин Н.А., Сибирев В.А.* О возможности культурной рецессии в России 2010-х гг.: Размышления над исследованиями ценностей 80
- Лопатина С.Л., Костенко В.В., Понарин Э.Д.* Дело не в исламе: отношение к абортам, разводам и добрачному сексу в девяти постсоветских государствах. 95

Социология культуры

- Соколов М.М., Соколова Н.А., Сафонова М.А.* Статусные культуры, биографические циклы и поколенческие изменения в литературных вкусах читателей петербургских библиотек. 116
- Гурова О.Ю.* Современные концепции (производства) моды в социологии 136
- Воробьёва Е.С.* Татуирование как объект социологического исследования 148

Социальная антропология

- Куропятник М.С.* Этнографическое самописание как культурный феномен 162
- Мохов С.В.* Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей. 171

Научные сообщения

- Туракаев М.С.* Габитус и повседневные практики вахтовых работников Башкортостана. 189

Научная жизнь

- Всемирный Конгресс Социологии Спорта «Спорт, глобальное развитие и социальные изменения» 203

Новые книги по социальным наукам

- Ильин В.И.* Нарва как транснациональный остров (интерпретация интерпретатора). Рецензия на книгу: Райк К. Моя Нарва между двух миров. Petrone Print, 2014. 286 с. 207

- Abstracts** 215

CONTENTS

To the 100th Anniversary of M.M. Kovalevsky's Sociological Society

- Boronoev A., Lomonosova M., Mironov D., Skvortsov N.* M.M. Kovalevsky's Sociological Society: Past and Present 5
- Malinov A.* Russian Sociological School in the Evaluation of A. Lappo-Danilevsky 16
- Dolgova E.* The Study of Social Problems in the Lab of Collective Reflexology at V. Bekhterev Institute for Brain and Mental Activity. 25
- Sinyutin M.* Sociologist number one: to the 140th anniversary of Nikolay Andreev. 32

Sociology of Politics

- Davydov S., Logunova O., Lytkina E.* Motivation and Media Preferences of Observers on the Moscow Mayor Elections in 2013 50
- Skokova Y.* The Dynamics of the Social Movement of Election Observers (2011–2016) 65

Research on Values

- Golovin N., Sibirev V.* The Possibility of Cultural Recession in Russia since 2010: Reflections on Values Research. 80
- Lopatina S., Kostenko V., Ponarin E.* Islam is not the Reason: the Attitude to Abortion, Divorce and Premarital Sex in Nine post-Soviet States. 95

Sociology of Culture

- Sokolov M., Sokolova N., Safonova M.* Status Cultures, Biographic Cycles, and Generational Changes in Literary Tastes of Library Users in Saint-Petersburg 116
- Gurova O.* Concepts of Fashion Production in Contemporary Sociology. 136
- Vorobyeva E.* Tattooing as an Object of Sociological Research 148

Social Anthropology

- Kuropjatnik M.* Ethnographic Self-description as a Cultural Phenomenon 162
- Mokhov S.* Death Studies in Social and Historical Anthropology: the Genesis of Ideas 171

Report

- Turakayev M.* Habitus and Everyday Practices of the Long-Distance Commuters of Bashkortostan. 189

News / Information

- World Congress of Sociology of Sport “Sport, Global Development, and Social Change” 203

New Books on Social Sciences

- Ilyin V.* Narva as a Transnational Island (Interpreting the Interpreter)
Book Review: Raik K. My Narva between Two Worlds. Petrone Print, 2014. — 286 p. 207

- Abstracts** 215

РУССКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА В ОЦЕНКЕ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО*

В статье на основе рукописи академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) «О социологии», сохранившейся в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 113), рассматривается его анализ учения «русской социологической школы». К «русской социологической школе» в рукописи отнесены социологические концепции представителей субъективного или этико-психологического направления. Прежде всего, он останавливается на анализе учений П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского и лишь кратко упоминает других представителей этой школы — Н.И. Кареева и С.Н. Южакова. А.С. Лаппо-Данилевский оценивал их взгляды как переход от позитивистской социологии к неокантианству, поэтому раздел о «русской социологической школе» в рукописи предваряет раздел о «критическом построении» в социологии. В рукописи дается не только изложение, но и критика «русской социологической школы» за недостаточное проведение гносеологического принципа в социологии, смешение теоретико-познавательной и психологической точек зрения, смешение психологизма с оценками и нормами, недостаточное внимание к проблеме «чужого я» и др. На примере «русской социологической школы» А.С. Лаппо-Данилевский стремился показать исчерпанность и ограниченность методов и подходов позитивистской социологии. Рукопись А.С. Лаппо-Данилевского представляет собой подготовительные материалы к лекциям, которые он читал в Петербургском университете, что объясняет краткость изложения и его ограниченность только взглядами Н.К. Михайловского и П.Л. Лаврова. Лекции строились по историческому принципу изложения материала. В статье приводятся наиболее цельные фрагменты рукописи и восстанавливается круг источников, которыми пользовался А.С. Лаппо-Данилевский.

Ключевые слова: «русская социологическая школа», позитивизм, субъективный метод, психологизм, теоретико-познавательная установка, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров.

Имя академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) не часто связывают с историей российской социологии. Если бы не его председательство в Русском социологическом обществе имени М.М. Ковалевского,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 13-03-00301).

Малинов Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета (a.v.malinov@gmail.com)

Malinov Alexey — Doctor in Philosophy, Professor, St. Petersburg State University (a.v.malinov@gmail.com)

то Лаппо-Данилевский едва ли удостоился упоминания в истории российской социологии, хотя еще в начале 1920-х гг. его старший коллега Н.И. Кареев в неопубликованной в свое время книге «Основы русской социологии» посвятил Лаппо-Данилевскому отдельный параграф (Кареев 1996: 167–169). Правда, Н.И. Кареев фактически говорит только об одной социологической работе Лаппо-Данилевского — «очень ученой и солидной статье» «Основные принципы социологической доктрины Конта», опубликованной в 1902 г. в сборнике «Проблемы идеализма» (Кареев 1996: 34–35, 168–169). Характеризуя эволюцию взглядов Лаппо-Данилевского, Н.И. Кареев писал, что «в начале своей научной деятельности стоял на почве англо-французского позитивизма, перешедши потом на сторону немецкой философии в ее неокантианском направлении, в котором вырабатывалась совсем иная, чем у Конта, классификация наук, замена противоположения социологии и истории противоположением генерализирующего и индивидуализирующего типов истории. Этот этюд имеет большое значение для истории вообще генезиса социологии как отвлеченной науки об обществе» (Кареев 1996: 34–35).

Основной сферой научных интересов Лаппо-Данилевского была русская история XVII–XVIII вв. Однако в своих теоретических работах, прежде всего в «Методологии истории», он ориентировался, прежде всего, на западноевропейские философские и социологические концепции. Большой объем рукописей Лаппо-Данилевского по социологии, в том числе материалы к читавшимся им социологическим курсам, отложился в его фонде в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 113). К изучению социологии Лаппо-Данилевский подходил как историк, рассматривая становление социологических теорий. Отмеченная Кареевым эволюция взглядов русского ученого от позитивизма к неокантианству отразилась и в его методолого-исторических исследованиях. Хотя круг источников здесь значительно шире (психологические учения, исторический материализм и др.), анализ концепций русских ученых встречается в них крайне редко и представляет чаще всего дополнение к тем или иным западным теориям.

Отчасти этот пробел восполняет рукопись Лаппо-Данилевского «О социологии», в которой есть раздел «“Субъективное” построение. (Русская социологическая школа)» (СПбФ АРАН: 271–314). Значительную часть этого раздела составляют выписки из разных авторов. Собственные записи Лаппо-Данилевского по объему не значительны. Они посвящены социологическим взглядам П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, в том числе содержат и биографические сведения. Упоминаются также Н.И. Кареев и С.Н. Южаков, приводятся ссылки на работы Н.И. Кареева, но нигде не излагается его учение. В опубликованных произведениях Лаппо-Данилевский также только ссылается на исследования Н.И. Кареева, но, судя по характеру цитирования, не признает его в качестве самостоятельного теоретика, философа или социолога. Причина такого отношения кроется не только в различии научных предпочтений (Кареев — позитивист, Лаппо-Данилевский — в большей степени неокантианец), но и в личных отношениях историков и положении Н.И. Кареева в кругу столичных ученых, особенности которых прекрасно показаны в статьях Е.А. Ростовцева (Ростовцев 2000: 105–121; Ростовцев 2002: 183–186).

Ограничение «русской социологической школы» учениями П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского означает, что под «русской школой» Лаппо-Данилевский подразумевал этико-психологическое или субъективное направление в российской социологии. Как отмечал Н.И. Кареев, о русской школе в социологии впервые написал американский историк социологии Ю. Геккер (Hecker 1915). Однако примечательно не то, что Лаппо-Данилевский принял классификацию американского ученого, а то, что ограничился в своем изложении лишь двумя указанными авторами. Субъективная школа в социологии обнаружила отход от прямолинейного позитивизма в сторону кантианства (Леонтьева 2004), которое по своим философским установкам было ближе Лаппо-Данилевскому. Именно этот кантианский или теоретико-познавательный акцент в науке об обществе привлекал Лаппо-Данилевского в субъективной школе, об этом он заявлял в первых строках раздела о русской социологической школе. «Я остановлюсь здесь на “русской социологической школе” лишь постольку, поскольку она представляет *переход от феноменологического* построения социологии к построению *гносеологическому*, т. е. поскольку она с *теоретико-познавательной точки зрения* (Кант — Лавров, Лавров — Кареев) пыталась выяснить некоторые *свойства познающего субъекта*, без которых познание им социальных явлений (их “внутренней” стороны) немислимо; но и русская школа

1) частью смешивала *теоретико-познавательную* точку зрения с *психологической* (особенно Михайловский),

2) частью примешивала к своей *теоретико-познавательной* точке зрения — *этическую* (Лавров, Кареев; т. е. социолог должен этически относиться к своему материалу)» (СПбФ АРАН: 271). Под феноменологическим построением социологии Лаппо-Данилевский подразумевал чисто позитивистский подход, провозглашающий изучение явлений, а не сущности вещей, причем предполагалось, что явления доступны непосредственному наблюдению, т. е. в конце концов познаются эмпирически. Любое дополнение (психологическое или этическое) гносеологического подхода он воспринимал в качестве недостатка, искажающего анализ познавательных способностей субъекта.

Примечательно, что, рассуждая о русской социологической школе, Лаппо-Данилевский не упоминает М.М. Ковалевского или других социологов-позитивистов. Лаппо-Данилевский способствовал избранию М.М. Ковалевского в состав Историко-филологического отделения Академии наук, неоднократно ссылаясь в посмертном издании «Методологии истории» (1923) на его книги «Современные социологи» (1905) и «Социология» (1910), но не рассматривал его как самостоятельного социального мыслителя. К теоретическим и социологическим построениям М.М. Ковалевского, как и Н.И. Кареева Лаппо-Данилевский не испытывал сочувствия, предпочитая о них умалчивать. В «Методологии истории» он отмечал неудачные попытки М.М. Ковалевского и некоторых других историков-позитивистов (П.Г. Виноградов, Л. Гумплович, Ю. Липперт, К. Лампрехт) переработать «научно-социологическое понимание истории» в качестве альтернативы историческому материализму: «...они не давали принципиального метафизического или гносеологического обоснования своих взглядов и приемов, носивших эмпирический характер; и, в сущности, не приписывали исключительного значения производственных отношений: они ука-

зывали лишь на более или менее существенную роль экономических факторов, но, наряду с ними, готовы были признать более или менее заметное влияние идеальных факторов в жизни общества» (Лаппо-Данилевский 1923: 268–269). Неудача позитивистского проекта построения новой науки об обществе предопределила оценку Лаппо-Данилевским социологов-позитивистов и фактическое игнорирование их работ при изложении положительных итогов социологии. Сближало же Лаппо-Данилевского с М.М. Ковалевским стремление институционализировать социологию в России. «Несмотря на то, что М.М. Ковалевский во многом расходился с А.С. Лаппо-Данилевским в своих социологических построениях, — пишет Е.А. Ростовцев, — их объединяло общее представление о социологии как исторической дисциплине. Результатом их совместной работы была подготовка институционализации социологической науки в России» (Ростовцев 2004: 146; см. подр.: Ростовцев 2001: 51–53). На почве преподавания социологии в университете Лаппо-Данилевский сходил и с Н.И. Кареевым, который вспоминал, что в 1919 г. только они вдвоем на историко-филологическом факультете отстаивали необходимость чтения курса социологии (Кареев 1996: 153).

Трудно сказать, когда был написан раздел о русской социологической школе. И если замалчивание М.М. Ковалевского и Н.И. Кареева можно объяснить теоретическими предпочтениями, то почему Лаппо-Данилевский не упоминает близкие ему работы русских неокантианцев (Л.И. Петражицкого, В.М. Хвостова, Д.М. Петрушевского)? Лишь в одном месте дается ссылка на статью Б.А. Кистяковского из сборника «Проблемы идеализма». Возможно, причина этого в недостаточной сохранности или краткости записей Лаппо-Данилевского, которые предназначались для подготовки к лекциям, или в том, что неокантианское направление в социологии к тому времени еще не заявило о себе в России, или в ограниченности предложенных для лекций тем. Даже черновые записи сохранили обороты и форму устной речи. Можно предположить, что собранные под общим заглавием фрагменты были написаны в разные годы. Так, например, Лаппо-Данилевский ссылается на сборник «Проблемы идеализма» (1902), но в биографических данных о Н.К. Михайловском (СПбФ АРАН: 300, 301, 304) не упоминает дату его смерти (1904). В то же время раздел о русской социологической школе сопровождается выписками из статей 1906 и 1907 г. Все это позволяет предположить, что раздел, возможно, был скомпонован при передаче рукописей ученого в архив или пополнялся самим Лаппо-Данилевским выписками из более поздних изданий.

Раздел о русской социологической школе сопровождается конспективными выписками из работы П.Л. Лаврова «Задачи позитивизма и их решение» (1868) (СПбФ АРАН: 284, 284а, 285–291, 294–297, 311), цитируются статьи П.Л. Лаврова «Практическая философия Гегеля» (1859), ранняя статья Н.К. Михайловского «Что такое прогресс?» (1869) и первый том его сочинений. Также приводятся выписки из работ Н.И. Кареева «Социология» (вероятно, «Введение в изучение социологии» (1897)) (СПбФ АРАН: 272) и «О субъективизме в социологии» (1880) (СПбФ АРАН: 306–310). Общие сведения о П.Л. Лаврове почерпнуты из статьи Н. Русанова «П.Л. Лавров (Очерк его жизни и деятельности)» (1907) (СПбФ АРАН: 273), которую Лаппо-Данилевский

характеризует как «живо написанный очерк». Цитаты из этой статьи он приводит в своем тексте. Многочисленные выписки сделаны из русского перевода работы Х. Раппопорта «Социальная философия Петра Лаврова» (1906) (СПбФ АРАН: 275–277, 282–283, 292–293) и неуказанного автора о влиянии на П.Л. Лаврова Канта, Фейербаха и Прудона (СПбФ АРАН: 278).

Черновой характер записей Лаппо-Данилевского, не предназначавшихся для печати, не позволяет представить их в виде отдельной публикации. Тем не менее, некоторые фрагменты могут быть воспроизведены с сохранением авторской нумерации и восстановлением, там, где это возможно, ссылок на цитируемые работы. Подчеркивания в тексте переведены на курсив.

«Теоретические взгляды Лаврова на социологию и гл[авным] об[разом] на субъективный метод развились у него, кажется, под влиянием Гегеля. В пользу такого предположения говорят:

1) то, что Лавров, родившийся в 1823 г., развивался в пору увлечения русского общества Гегелем (конец 1830-х и 40-е годы); ср. рассказы Герцена; а Лавров сам высоко ставил Герцена и ему (вместе с Прудоном) посвятил свои очерки вопросов практической философии.

2) что Лавров скоро перешел от Кузена и т. п. к Канту, Фихте, Шеллингу и “особенно долго остановился на Гегеле” (Н. Русанов [П.Л. Лавров (Очерк его жизни и деятельности) // Былое. 1907. № 2. С.] 253). Эпюд Лаврова о Гегелизме вышел в 1858 г., а очерк “практической философии Гегеля”, в котором он выступил с изложением и критикой учения Гегеля, в 1859 г. <...>

3) что между основоположениями Гегеля и Лаврова есть некоторое сходство.

Для такого вывода о сходстве достаточно указать, что понятие Гегеля о “разумной природе” уже включало понятие о ценной действительности; он отличал ее от “существования”, в которое включал, кроме “действительности”, и лишенную ценности “случайность”. Гегель писал: “Когда мы вообще бросаем взгляд на всемирную историю, то видим огромную картину изменений, деяний, бесконечно разнообразных по форме и облику народов, государств, личностей в беспрестанной их смене. На все, что может быть доступным и интересным человеческой душе (Gemüth), на всякое восприятие доброго, красивого, великого — люди имеют притязание; всюду они ставят себе и преследуют цели, которые мы признаем, осуществление которых мы желаем; мы надеемся и опасаемся за них. Во всех этих происшествиях и случайностях мы созерцаем (Leben... oben auf) человеческое действоание и страдание, всюду испытываем влечение нашего интереса к нему или обратно” (G.W.F. Hegel, Phil. Der Gesch., Werke, IX, 1848, s. 89).

Лавров именно и признавал тот же самый момент оценки построения нами всякого социального явления или исторического факта.

“Мысль о развитии истории по законам необходимой и разумной последовательности” была мыслью, современной Гегелю; но он переработал ее в целую систему” ([Лавров П.Л. Практическая философия Гегеля // Библиотека для чтения. 1859. № 4.] С. 50), “историческое развитие вошло, как необходимый элемент во все его мирозерцание, легло в самое основание диалектического процесса...” ([Там же] С. 51), он завещал науке, “чтобы духовные явления оценивать исторически”, освещая “каждый факт живою действительностью,

в которой он имеет свое значение” и наблюдая “за историческою преемственностью фактов, за последовательным изменением идеи” ([Там же] С. 53). Гегель не забывал и о целостности и единстве мира ([Там же] С. 54).

Рано познакомившись с социализмом (с сочинениями) Фурье, затем Прудона), Лавров естественно примкнул к *левой* [партии] *гегельянства*; он был знаком с взглядами Бруно Бауэра, Арнольда Руге и Фейербаха. С Марксом он познакомился лишь в начале 1870-х годов, но “марксизм был сравнительно наименее переработан и внутренне ассимилирован” Лавровым (*Н. Русанов* [П.Л. Лавров. С.] 270).

Субъективный метод Лавров ставил в зависимость 1) от *свойств познающего субъекта* (наделенного нравственным сознанием и проч.) и 2) от *свойств изучаемых явлений*, т. е. явлений социальных (целесолагания и проч.) (СПбФ АРАН: 279, 280, 281).

<...>

Лавров настаивал на *неразрывной связи между теорией и практикой*. В его [“Исторических письмах”] “*умственный фактор* становится вместе с тем и *нравственным фактором*. И *цельная*, а не только *логически* рассуждающая *личность*, говоря одинаково и уму, и сердцу читателя, увлекает его на борьбу, лишения, самое смерть за убеждения и за счастье людей-братьев. Это-то и привлекало всех нас в упомянутом произведении Лаврова” (*Н. Русанов* [П.Л. Лавров. С.] 268).

С такой точки зрения Лавров решительно высказывался *против теории* *возрастающей механизации* человеческой деятельности.

Формула прогресса Лаврова.

1. Прогресс состоит равным образом во все более и более широком и все более и более явственном *развитии сознательных процессов и разумных мотивов* (т. е. действий, т. е. цельности личности, объединяющей умств[енные] и нравств[енные] факторы) у индивидуумов, поскольку это развитие *не мешает* развитию и укреплению *солидарности* между возможно наибольшим количеством индивидуумов.

2. Прогресс заключается в развитии и укреплении *солидарности* (социализм?), поскольку она *не препятствует* развитию сознательных процессов и мотивов (разумных) действий у индивидуумов.

Социология, по мнению Лаврова, и должна заниматься *изучением солидарности*, условий ее развития и роста, *социальной формы*, организации общества (СПбФ АРАН: 298, 299).

<...>

Михайловский близок к Лаврову 1) *субъективным методом* (несколько шире понимаемом) и 2) тем, что стремится *соединить теоретическую философию с практической*.

1) Подобно Лаврову Михайловский стоял за *цельность* человеческой личности, объединяющей *умственный и нравственный фактор*; впрочем, что “можно найти такую точку зрения, с которой *правда-истина и правда-справедливость* являлись бы рука об руку, одна другую пополюя”.

Вопросы о пределах нашего знания, о свободе воли и необходимости, “органическая теория общества, приложение теории Дарвина к общественным вопросам, вопрос об интересах и мнениях народа, вопросы философии исто-

рии, этики, эстетики, экономики, политики, литературы в разное время занимали меня исключительно с точки зрения великой двуединой правды” ([Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. В 10 т. СПб., 1906. Т. 1.] С. V).

1) *Субъективный метод.*

По мнению Михайловского, субъективизм состоит вообще в признании за объектом социологического наблюдения внутреннего психологического содержания, а не только этического отношения к нему, как индивиду.

Михайловский отступает от положений Лаврова, заявляя, что *объективный метод* не должен быть совершенно удален из области социологических исследований, но что *высший контроль* должен принадлежать тут *субъективному методу* (“Что такое прогресс”).

Тем не менее, Михайловский в духе учения Лаврова (отчасти даже его словами) рассуждает о свойствах познающего субъекта и свойствах исследуемых явлений.

2) *Свойства исследуемых явлений.*

“Коренная и ничем неизгладимая разница между отношениями человека к остальной природе состоит прежде всего в том, что в первом случае мы имеем дело не просто с явлениями, а с явлениями, *тяготеющими к известной цели*, тогда как во втором цель эта для человека не существует. Различие это до того важно, что само по себе намекает на необходимость применения различных методов к двум великим областям человеческого ведения” [“Что такое прогресс?”].

Но что *такое цель*? Это — желаемое, приятное, должное.

Поэтому и в оценке социальных явлений категории желательного и нежелательного, полезного и вредного, должного и безнравственного так же необходимы и разумны, как и категории истинного и ложного ([“Что такое прогресс?”]).

1) *Свойства познающего субъекта.*

Никто не может отрешиться от той эмпирической стороны нашего я, которая состоит в признании чего-либо не только истинным или ложным, но и приятным или неприятным, желательным или нежелательным, нравственным или безнравственным, справедливым или несправедливым.

То же относится к социологу: без таких категорий он не будет в состоянии распознать в своем материале нравственное от безнравственного и т. п.

<...>

Синтез великих научных завоеваний *естествознания и обществоведения* — характерная черта социологич[еской] доктрины М[ихайловского].

В исследовании значения *индивидуальности* (по естественнонаучной терминологии) или *личности* (по терминологии общественнонаучной) М[ихайловский] нашел ключ к разрешению этой проблемы.

В духе Лаврова Михайловский формулирует и свое понятие о прогрессе: “Прогресс есть постепенное приближение к *целостности неделимых*, к возможно полному и всестороннему *разделению труда между органами* и возможно меньшему разделению труда между людьми” ([Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. В 10 т. СПб., 1906. Т. 1.] С. 150).

Ср[авни] “развитие сознательных процессов и разумных мотивов (действий) у индивидуумов (т. е. цельности умств[енной] и нравств[енной])” Лавро-

ва — и “целостность неделимых”. “Солидарность” Лаврова с “разделением труда между органами” — М[ихайловск]ого (СПбФ АРАН: 301, 302, 303, 304, 305).

<...>

Ошибки

<...>

Субъективный метод и нравственная оценка (а не отнесение к ценности).

1) (*Смещение познавательного принципа с этическим отношением*) С. Южаков “Субъективный метод в социологии”, см. “Знание”. 1873 г. стр. 37–71. Автор, впрочем, считает себя “последователем” Конта и едва ли сам строго различает теоретико-познават[ельную] точку зр[ения] от психологической.

(свойства познающего субъекта).

<...>

Михайловский также заявляет, что исследование в области общественных явлений “осложняется новым элементом, элементом нравственным” (Н. Михайловский. “Что такое прогресс”). Ср. Кареев.

(*Свойства изучаемых явлений общественности*)

2) *Смещение психологического построения с нормативным.*

Лишь с естественнонаучной психолого-этической точки зрения можно говорить о *возможности* наступления тех, а не иных действий (о чем Михайловский постоянно рассуждает) (Кистяковский Б. Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблем // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 295–391); поскольку наступление *условий*, при наличии которых данное действие необходимо совершится, возможно, — и само действие признается (не логически), а фактически возможным.

Но такая точка зрения еще *не дает никакого основания отличать свойства исследуемых явлений общественности: специфический* характер нравственности не в возможности, а в *долженствовании*.

3) Смещение “субъективного метода” с изучением *чужой оценки*, производимой с чисто научной *психологической* точки зрения.

“Чужая оценка, как тоже реальный факт, становится предметом изучения” со стороны социолога (Н. Кареев. [О субъективизме в социологии // Юридический вестник. 1880. № 4. С.] 126); но тут уже нельзя говорить о субъективном методе, а только о *психологическом*.

Смещение, допускаемое рус[ской] соц[иологической] школой, устраняется представителями *немецкого социально-философского направления*. Кант — Наторп, Штаммлер и др.» (СПбФ АРАН: 311, 312, 313, 314).

В качестве теоретических основ русской социологической школы Лаппо-Данилевский выделял учения о развитии сознательных процессов и росте солидарности, телеологичности социальных процессов, субъективном методе, концепцию борьбы за индивидуальность. Он отмечал, что социология, согласно П.Л. Лаврову, изучает социальную солидарность, условия ее развития и роста, а также выработку идеальных форм общежития и средств их реализации. Однако в последней (правда, не оконченной) редакции «Методологии истории», представляющей собой историческое введение в обществоведение, Лаппо-Данилевский уделил место П.Л. Лаврову лишь в примечаниях к параграфу о материалистическом понимании истории, отмечая, что П.Л. Лавров «выра-

ботал свой “антропологизм” под значительным влиянием Фейербаха и признавал, с революционно-народнической точки зрения, “борьбу за реализацию справедливого строя общества”» (Лаппо-Данилевский 1923: 255, прим.).

Интерпретация субъективной школы Лаппо-Данилевским не отличается оригинальностью. Отчасти это объясняется «школьными» задачами изложения, отчасти тем, что на этико-психологическое направление Лаппо-Данилевский смотрит как на переходное учение от позитивизма к «формально-критическому построению» социологии в духе немецкого кантианства. Не случайно в анализе субъективной стороны исследовательского процесса (идеалы, мотивы, предпочтения) он видит приближение к положениям трансцендентализма, а критикуя психологическое уклонение в русской социологической школе, он указывает на проблему чужой одушевленности, возникающую при подобной психологизации. По его словам, «психология как наука требует, например, *признания чужого одушевления*» (СПбФ АРАН: 311). Полемика по проблеме «чужого я» в русской философии была вызвана публикацией в 1892 г. работы А.И. Введенского «О пределах и признаках одушевления: Новый психо-физический закон в связи с вопросом о возможности метафизики». Лаппо-Данилевский, следившей за ходом этой дискуссии, впоследствии обращался к проблеме чужой душевной жизни в своих философско-исторических и социологических работах. Субъективная школа в социологии была важна для Лаппо-Данилевского, с одной стороны, как пример исчерпанности, ограниченности методологии позитивизма, а с другой стороны, как иллюстрация развития социологической мысли — перехода от позитивизма (опирающегося на методологию эмпиризма и заимствующего методы естествознания) и психологизма в истолковании социальных явлений к анализу познавательных способностей субъекта.

Литература

Кареев Н.И. *Основы русской социологии*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1996.

Кареев Н.И. Американская книга о «русской» социологии, *Русские записки*, 1916, 6: 295–303.

Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории*. Пг., 1923.

Леонтьева О.Б. «Субъективная школа» в русской мысли: *Проблемы теории и методологии истории*. Самара: СГУ, 2004.

Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв., *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2000, 3(4): 105–121.

Ростовцев Е.А. М.М. Ковалевский и А.С. Лаппо-Данилевский в Академии наук, *Максим Ковалевский и современная общественная мысль*. СПб., 2001: 51–53.

Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев в среде историков петербургской школы, *Николай Иванович Кареев: человек, учёный, общественный деятель*. Сыктывкар, 2002: 183–186.

Ростовцев Е.А. *А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа*. Рязань: НРИИ, 2004.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331.

Hecker J.F. *Russian sociology: A contribution to the history of sociological thought and theory*. New York, 1915.